

Ильич Обломов. Если мы задумаемся над тем, какое место в жизни повзрослевшей Ольги занимает Илья Ильич, ответ сможем найти в восьмой главе четвертой части романа: в разговоре супругов Штольц, размышляя о судьбе Обломова, Ольга говорит: «Я люблю его не по-прежнему, но есть что-то, что я люблю в нем, чему я, кажется, осталась верна и не изменюсь, как иные...». Речь идет о честном и верном сердце Обломова, его нежной и светлой душе.

Вопрос о смысле жизни не новый и для каждого мучительный. Сложность еще и в том, что на него есть множество ответов, потому что каждый отвечает на него по-своему. Найти ответ на этот вопрос – значит обрести спасательный круг, который будет держать человека на плаву, будет примирять с конечностью бытия. В противном случае открывается бездна, у которой нет ответа. Вопрос о том, сможет ли Ольга найти ответы на свои вопросы или примирится с тем, что есть вопросы, ответы на которые человеку знать не дано, остается нерешенным.

Литература

1. Белянин М.Ю. Ольга Ильинская в системе героев романа И.А. Гончарова «Обломов» // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И.А. Гончарова / сост. М.Б. Жданова, А.В. Лобкарёва, И.В. Смирнова. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 100–107.

2. Владимиров М. «Обломов» как православный роман // Интернет-журнал Сретенского монастыря. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/culture/oblomov.htm>.

3. Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях // Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. СПб. : Наука, 1998. Т. 4.

4. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

5. Мельник В.И. А. Гончаров и его знакомства в храме св. Пантелеймона. К вопросу о христианской биографии писателя // Русская линия: православное информ. а-во. URL : <http://rusk.ru/st.php?idar=111097>.

6. Мельник В. Трудный путь домой: И.А. Гончаров и православие // Интернет-журнал Сретенского монастыря. URL : <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/113.htm>.

7. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике : сб. ст. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.В. Отрадин. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.

8. Старыгина Н.Н. Образ Casta Diva как центр лейтмотивного комплекса образа Ольги Ильинской // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И.А. Гончарова / сост. М.Б. Жданова, А.В. Лобкарёва, И.В. Смирнова. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 92–99.

Spiritual and religious essence of searching of Olga Ilyinskaya, the character of the novel by I.A. Goncharov "Oblomov"

There are revealed the reasons for spiritual crisis of Olga Ilyinskaya, the character of the novel by I.A. Goncharov "Oblomov". There is emphasized that the character's searching is caused by inner reasons in spite of the literature tradition to determine her actions and emotional experiences by social factors.

Key words: I.A. Goncharov, Olga Ilyinskaya, Stoltz, novel, character, melancholy, orthodoxy.

П.В. ПРОХОРЕНКО (Москва)

ЦЕНТР, ГРАНИЦА И ВЗРЫВ: СЕМИОТИЧЕСКАЯ И СМЫСЛОВАЯ ТЕРРИТОРИЯ РОМАНА А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Рассматривается семиотическая структура взаимоотношений главных героев романа «Петербург». На примере произведения анализируются роль и механизм работы таких понятий, как «центр», «граница», «периферия», «взрыв».

Ключевые слова: семиосфера, нелинейность, взрыв, граница, центр, периферия.

Роман А. Белого «Петербург» одновременно сложен для восприятия и предоставляет обширное поле для самых разных его прочтений. Это произведение, заимствуя терминологию Жирара, вполне можно назвать «расколотым надвое» [4, с. 22]. Расколотость проявляется прежде всего в системе двойников. Однако в нашу задачу не входит анализ этой системы в полной мере. Нам важно указать, что система двойников как бы разделяет смысловое

и семиотическое поле романа. Именно то, как делится семиотическая и смысловая территория романа, и будет интересовать нас в данной работе. Помимо этого, мы обратимся к кульминационному событию «Петербурга» – взрыву. Взрыв, как и система двойников, определяет семиотическую картографию текста. Для этого мы воспользуемся методологией Ю.М. Лотмана, содержащейся в его последних работах, посвященных исследованию семиосферы. Ученый затрагивает важную проблему определения таких понятий, как «центр», «граница», «периферия», «взрыв».

Ключевое событие романа А. Белого «Петербург», его кульминация – это взрыв, который происходит в доме Аблеуховых и который ставит точку в череде всех событий, предшествовавших ему. Нас интересует та модель, система, в которой этот взрыв оказался возможным. Иными словами, глубинные причины этого события. И здесь мы обратимся к теории Ю.М. Лотмана, точнее, к его последней работе «Культура и взрыв», в которой метафора взрыва используется для обозначения разрыва, нарушения границ центра и периферии.

Понятия центра, периферии и границы крайне актуальны для романа «Петербург». Взрыв – это есть то, что создает нарратив. Благодаря ему возможны нарушения границ, следовательно, и развитие. Однако сам момент взрыва и события, предвещающие его, – это неопределенность. Ю.М. Лотман пишет, что неопределенностью обладает периферия, потому что центр – это нечто устойчивое, то, что создает «свое» семиотическое поле и выталкивает за его пределы все, что в него не вписывается. Иными словами, семиотическое пространство становится однородным, а «абсолютная предзаданная гомогенность, абсолютная систематическая непротиворечивость – вот что <...> делает невозможным <...> иное» [2, с. 53]. Более того, периферия в этом случае воспринимается как носитель опасности, потенциально-го разрушения центра. Посмотрим, как это реализуется в тексте романа.

Сам Белый указывает на наличие ярко выраженного центра – проспекты и улицы материковой части Санкт-Петербурга – и выделяет периферию – островную часть города, в частности Васильевский остров. Писатель даже фокусирует наше внимание на особенностях жителей, их характерах: «Жители островов поражают вас какими-то воровскими ухватками» [1, с. 22]. Они подозрительны, сравниваются с теньями: «Род ублюдочный пошел с островов – ни люди, ни тени, – оседающая на грани двух друг

другу чуждых миров» (Там же, с. 21). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что главная их черта – это неопределенность.

Воплощением центра в романе является Учреждение: «Кто-то его учредил, до него была тьма, кто-то над тьмою носился; была тьма и был свет – циркуляр за номером первым, под циркуляром последнего пятилетия была подпись: Аполлон Аблеухов» (Там же, с. 332). Однако бинарная модель «центр–периферия» усложняется тем, что в системе текста существуют несколько центров. Помимо Учреждения – своеобразной метаструктуры (не случайно при описании его появления Белый делает очевидный намек на Сотворение мира) – таким центром будет сам Аполлон Аполлонович, с происхождением которого Белый тоже связывает ветхозаветный образ: «Он имел своим предком Адама» [1, с. 11]. Писатель также сравнивает героя с Зевсом: «Аполлон Аполлонович был в известном смысле как Зевс: из его головы вытекали боги, богини и гении» (Там же, с. 35). Это очень любопытный момент. Белый таким образом выстраивает следующую систему: Аполлон Аполлонович, будучи Зевсом, порождает вокруг себя реальность. Не случайно писатель делает акцент на том, что жители островов (а по мере течения романа мы видим, что и вообще все люди вокруг) – это тени, что все, не входящее в «свое» пространство, все, являющееся «другим», – это сон, туман, в общем, неопределенность. Более того, эта неопределенность опасна, она грозит обернуться настоящим хаосом. Чужое не имеет четких очертаний, все предельно размыто, даже граница между своим пространством и чужим оказывается зыбкой. Белый выстраивает следующую структуру: Петербург – это центр, прямолинейные проспекты, Учреждение, мир, в котором существует сенатор Аблеухов, центр этот парадоксально бесконечен: «Есть бесконечность в бесконечности бегущих проспектов с бесконечностью в бесконечности бегущих пересекающихся теней» (Там же, с. 22). Острова – это часть Петербурга, его периферия, характеризующаяся неопределенностью и стремлением к хаосу: «От островов тащатся непокойные тени» (Там же, с. 55). Наконец, есть небытие – все, что за пределами Петербурга: «За Петербургом же – ничего нет» (Там же, с. 22). Город, таким образом, становится центром, внутри которого формируется еще один центр – материковая часть Петербурга, на которой, собственно, находится Учреждение – тоже своеобразный центр, и, наконец, сам Аполлон Аполлонович, который «в каби-

нете высокого Учреждения воистину выростал в некий центр» [1, с. 50].

Таким образом, в романе выстраивается та самая парадигма, которую рассматривал в своих последних работах Ю.М. Лотман, парадигма, включающая понятия центра, периферией, границы, обуславливающей отношения между ними. Отношения между центром и периферией заключаются, прежде всего, в возможности перевода знаков. Именно перевод и является основой развития системы. Лотман пишет о разности между «осмысленной предсказуемостью» и непредсказуемостью, т.е. изменением, «реализуемым в порядке взрыва» [5, с. 17]. Первое полностью реализуется в каждодневной государственной и бытовой деятельности Аполлона Аполлоновича. Это и разложенные по сторонам света предметы, и строгий распорядок дня, и вполне определенная и неизменная политика, которую он проводит, это, наконец, почти мистическая любовь к прямым линиям и строгой линейной геометрии. Второе – непредсказуемость – очевидно явлено нам в действиях Александра Ивановича Дудкина. Он постоянно пребывает как бы в промежуточных состояниях. Он и террорист, убийца, но он же и жертва провокации, он Неуловимый, но одновременно и узник, все действия которого находятся под полным контролем Липпанченко. С одной стороны, Дудкин читает Апокалипсис, его мучают кошмары и видения, но с другой – он социалист, следовательно, человек, мыслящий во многом материалистично. Момент, когда Аполлон Аблеухов видит Дудкина, впервые весьма показателен в этом плане: «В ту же четверть секунды сенатор увидел в глазах незнакомца – ту самую бескрайность хаоса» [1, с. 26]. Все, что не входит в семиотическое поле сенатора, воплощает хаос и неопределенность. Это флуктуация, способная привести к взрыву.

Надо заметить, что одним из постоянных эпитетов, одной из постоянных характеристик Аполлона Аполлоновича (его движений, его выражения лица) является каменность. Серый цвет – наиболее частый цвет, сопутствующий сенатору, метафоры окаменелости, неподвижности тоже весьма часты применительно к нему. Мы сталкиваемся с очередной парадоксальностью: с застывшим движением. Аполлон Аблеухов словно застыл, окаменел, он замуровал себя в неприступную крепость своего семиотического поля. Он воплощает собой то понятие, которое Лотман называл самописанием. Это понятие, как оно описано Лотманом, являет собой последнюю стадию само-

организации системы, когда она «теряет внутренние запасы неопределенности, с которыми связаны ее гибкость, способность к повышению информационной емкости и резерв динамического развития» [5, с. 255]. Это та стадия, когда система являет тоталитарный дискурс, выталкивающий за пределы семиотического поля все неоднородные с ним структуры. Другими словами, самописание функционирует как «механизм исключения. Все, что непереводимо в термины метаязыка, несущественно и вытесняется за пределы семиотического пространства как несуществующее» [6, с. 48]. Именно это и происходит с сенатором Аблеуховым. Однако ситуация осложняется тем, что для него за пределы семиотического поля вытесняется вообще все, включая, что, пожалуй, самое главное, и его сына. Аполлон Аполлонович, являясь как бы центром в себе, воплощает невозможность какой-либо способности к дальнейшей эволюции, неспособность к нелинейному мышлению – отсюда ненависть к округлым, гибким, бесформенным предметам (облако, тучи, рой и т.д.). Его семиотическая унификация достигает предела. Показательно, что в глазах Аполлона Аблеухова Дудкин и вообще жители островов вытесняются не просто на периферию, а вообще в небытие. Для него они тени, нечто, проявляющееся лишь в его кошмарных видениях.

Теория семиосферы Ю.М. Лотмана подразумевает амбивалентное понимание границы. Так, граница может выступать не только как инструмент различения, но и как элемент соединения («фильтр», «мембрана»). И если дифференцирующей границей будут являться жители островов (и конкретно Александр Дудкин), то соединяющей границей, на наш взгляд, будет сын Аполлона Аблеухова – Николай.

Поведение сына сенатора амбивалентно и доходит порой до крайностей. Николай Аблеухов на протяжении всего романа занят исключительно поисками себя, самоопределением. Его поведение накладывается на его надломленную психику, усугубленную травматическим опытом отношений с отцом, а затем и с Софьей Лихутиной. Николай Аблеухов пытается найти себя как теоретик революции, но в итоге удаляется от этого. Очевидно, что серьезность намерений тех, с кем ему приходилось иметь дело, в том числе и Дудкина, испугала его и заставила сильно сомневаться в правильности своего выбора. Когда же дело доходит до потенциального отцеубийства, то Николай Аблеухов окончательно рассеивает-

ся как личность. Движение его мысли уподобляется тикающим часикам в механизме бомбы и становится замкнутым. Потенциальный выход из этой замкнутости – взрыв. Еще одна, безусловно, важная особенность поведения Николая Аполлоновича проявляется в его шутливости. С одной стороны, мы видим трикстера, но с другой (в чем опять же видна амбивалентность поведения сына сенатора) – это лишь пародия на трикстера. Белый добивается за счет этого парадоксального удвоения образа трикстера, когда он показывает, что затеи Николая с красным домино заканчиваются нелепыми конфузами: пытаюсь напугать Софью, он падает, и «ужасный шут стал шутком просто жалким» [1, с. 127], а полностью разоблачение происходит в результате банальной и характерной для Николая Аблеухова рассеянности, когда, читая письмо, «маску <...> красное домино позабыло спустить» (Там же, с. 166).

Таким образом, амбивалентность и нелинейность поведения Николая Аблеухова – это воплощение зыбкости периферии: «Неактуальность, непредсказуемость, неопределенность характеризуют периферию как место отложенных (незначимых и неопределимых) существований или место потенциальной значимости без стабильных значений, где все может быть важно ровно потому, что взамен оно уже/еще не имеет смысла» [6, с. 51]. Именно отсутствие «стабильных значений» – главная ось, по которой осуществляется противостояние центра и периферии, благодаря которой «друговость» в лице Дудкина может проникнуть в семиотический центр. Николай воплощает собой периферию, противостоящую центру, и в том смысле, что не может говорить со своим отцом на одном языке. Мысли и слова Николая оказываются для сенатора «чужим языком, не способным адекватно отражать лежащую под ним семиотическую практику» [5, с. 259]. Это проявляется на протяжении всего романа как на лексическом уровне (путаница с Кантом-Конттом), так и на уровне поступков, когда они постоянно неправильно прочитывают поступки друг друга, из-за чего сенатор кажется сыну идиотом, а тот, в свою очередь, видится отцу подлецом.

В итоге мы можем видеть, как борьба центра и периферии пронизывает текст на протяжении всего романа. И данная борьба происходит в системе, в которой Аполлон Аблеухов, его сын и Дудкин являются двойниками друг для друга. При этом потенциал взрыва настолько велик, что его несут сразу несколько персонажей. Помимо Дудкина и Николая

Аблеухова таким персонажем (который, собственно, и передает бомбу Николаю через Дудкина), несомненно, является Липпанченко, дополняющий систему двойников. Он, как и двое других, раздвоен и не обладает целостностью. Липпанченко – провокатор, уже поэтому он не может быть единым. Его действия деструктивны и направлены на создания помех в системе. При этом даже формально его действия тяжело признать благотворными для Аполлона Аполлоновича, воплощающего центр. Действуя путем провокации, Липпанченко добивается того, что зыбкие границы становятся еще более невидимыми, туманными, позволяя метафоре взрыва пройти через нее и реализоваться буквально.

Итак, мы видим, что Николай Аблеухов, Александр Дудкин и Липпанченко – это персонажи периферии, в той или иной степени несущие потенциал взрыва и способствующие ему. Однако здесь немаловажен и тот факт, на который мы уже указали, факт, характеризующий их всех, – амбивалентность (сознательная или нет – не так уж и важно). В лице этих персонажей мы сталкиваемся с диалектическими образами. И именно эта диалектика привносит дополнительные слои смысла в текст романа. Здесь идеи Лотмана об асимметричности языков семиосферы можно сопоставить с мыслью Ж. Диди-Юбермана о структуре диалектических образов: «В диалектических образах налицо действующая структура, но она порождает неоформившиеся, устойчивые, регулярные формы: она порождает формы в формообразовании, трансформации, а значит, следствия непрерывных деформаций. На смысловом уровне она порождает двусмысленность» [3, с. 152]. Эти «непрерывные деформации» и есть накапливающаяся энергия взрыва, когда система уже не в состоянии отслеживать и контролировать постоянные флуктуации.

Наличие границы в системе вводит в нее элемент прерывания, нелинейности. Система перестает быть однородной, потому что через границу в нее вторгается, смешиваясь с ней, периферия: «В этом смысле пограничная зона, периферия вывихнута, потому что она принадлежит одновременно внутреннему и внешнему пространству или, что то же самое, не принадлежит ни внутреннему, ни внешнему» [6, с. 50]. Лотман пишет, что «вторжения» периферии в семиотическое пространство центра «оказывают разнообразные возмущающие воздействия на внутренний строй “картины мира” данной культуры» [5, с. 253]. Под «данной культурой» мы понимаем тот самый се-

миотический центр, который сложился в процессе его длительного доминирования и вытеснения всего «другого» за его пределы. И точность этой цитаты применительно к роману подтверждается, например, тем, что шутовство Николая Аблеухова тоже является своеобразным вторжением «другого» в мир сенатора Аблеухова; и это шутовство в итоге производит не менее разрушительный эффект, чем взрыв: именно после того, как Аполлон Аблеухов увидел, кто скрывается за маской красного домино, с ним происходит сердечный приступ, и карьера его, по сути, заканчивается, т.е. он перестает быть внутри Учреждения, олицетворять его, а следовательно, воплощать семиотический доминирующий центр.

Мы постарались показать в данной работе, что центр и периферия – одни из ключевых понятий для понимания концептуального механизма романа «Петербург», что они «не просто топологически локализуемые места / зоны, а структурные величины семиосферы» [7, с. 26]. Текст, таким образом, является сложным нелинейным механизмом, функционирование которого зависит от многих факторов. Однако главное, на наш взгляд, заключается в том, что «Петербург» является в своей сложности и противоречивости как бы инвариантом развития истории и культуры. В этом романе отразились и актуальные и характерные для Белого опасения за дальнейший ход истории России, и опасность гомогенного пространства в культуре и социуме, и, наконец, абсолютная непредсказуемость и хаотичность стихии. Именно поэтому для анализа этого произведения чрезвычайно продуктивно обращаться к теории семиосферы Лотмана и к наследию постструктурализма, и к теории хаоса, потому что тексты, подобные «Петербургу», необходимо исследовать именно во взаимодействии этих идей.

Взрыв – это одновременно и событие, и концепт, и метафора. Как концепт он связан с человеком, его поступками, можно сказать, что он «антропоцентрический концепт, с помощью которого определяется, что событийность человеческого действия столь же важна для истории общества и культуры, как и рефлектирующие и упорядочивающие процессы самоописания культуры, которые обеспечивают интеграцию и непрерывность» [7, с. 20].

Взрыв – это очень точная метафора внутреннего состояния и Александра Дудкина, и Николая Аблеухова, и Аполлона Аблеухова.

Все они проходят через этот взрыв, и их изменившиеся сознания абсолютно различны и не детерминированы ничем. Однако сам текст при этом не рассыпается. Он словно соткан из противоречий и хаоса, в связи с чем вспоминается мысль Бенямина, которую приводит в своей книге Диди-Юберман, мысль о том, что «завершенность произведению придает прежде всего то, что раскалывает его, превращая в произведение дробное, во фрагмент истинного мира, в обломок символа» [3, с. 153].

Наконец, взрыв – это событие, обусловленное сложным сцеплением сознательного выбора и бессознательных, стихийных причин, крайняя форма динамики сюжета. Это событие, которое все же происходит, хотя, с одной стороны, Белый постоянно стучит вокруг него слой нереальности, иллюзорности, а с другой – логика текста говорит нам о его неминувости. В итоге парадоксальная, нелинейная кривая сюжета устраивается так, что революционер Дудкин убивает провокатора Липпанченко, через которого была отправлена бомба для убийства высшего чиновника сенатора Аблеухова, а сын сенатора безуспешно пытается предотвратить этот взрыв, постоянно находясь между своеобразной фрейдовской игрой Fort-Da, влечением к жизни и влечением к смерти.

Литература

1. Белый А. Петербург. СПб., 2004.
2. Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006.
3. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас. СПб., 2001.
4. Жирар Р. Критика из подполья. М., 2012.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010.
6. Монтичелли Д. Самоописание, диалог и периферия у позднего Лотмана // Нов. лит. обозрение. № 115. С. 40–56.
7. Франк Сузи К. Взрыв как метафора культурного семиозиса // Нов. лит. обозрение. № 115. С. 12–31.

Centre, border and explosion: semiotic and semantic territory of the novel by A. Belyi "Petersburg"

There is considered the semiotic structure of the relations of the main characters of the novel "Petersburg". Based on the novel, there is analyzed the role and the mechanism of such notions as "centre", "border", "periphery", "explosion".

Key words: *semiosphere, non-linearity, explosion, centre, periphery.*